

О БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ — С ДОКАЗАННЫМ ПРОФЕССИОНАЛИЗМОМ И ПОНИМАНИЕМ

Более трех десятилетий тому назад советская болгаристика должна была пополнить свои ряды молодым, многообещающим, полным чистых помыслов и стремлений талантливым специалистом. Я говорю об Ирине Бенатовой — киевлянке, аспирантке Львовского государственного университета им. Ивана Франко. Ее диссертационный труд «Баллада в болгарской литературе 20–30 годов XX века», выполненный под руководством проф. Н. Ф. Копыстьянской, был окончательно завершён и принят к официальной защите в Ленинградском университете в июне 1982 г. Однако этой защите не суждено было состояться, поскольку автор работы, возвращаясь из Ленинграда домой в Киев, трагически погибла в авиакатастрофе. Так в очередной раз Судьба доказала свою власть над выбором жертв, не считаясь с их талантами и перспективами полноценной интеллектуальной реализации. О том, что Ирина Бенатова пребывала среди нас на этой земле, в поле гуманитаристики осталось свидетельствовать только ее исследование «Баллада в болгарской литературе 20–30 годов XX века».

Хотя мне довелось общаться с Ириной сравнительно недолго (во время моей одномесячной львовской командировки, нескольких дней совместного пребывания в Киеве и наших с ней встреч в Болгарии), я могу со всей ответственностью заявить, что она воистину была глубоко предана болгаристике и буквально жила своей «темой». Работая над

исследованием, Ирина не только изучила необходимые для него факты творчества широкого круга участников болгарской литературной жизни 20–30 годов XX века, но и, владея несколькими языками, смогла вплести в эту работу свои знания о проявлениях балладного жанра в русской, украинской, чешской и польской литературах.

Несмотря на краткость нашего непосредственного общения, я и сейчас могу утверждать, что в моей жизни Ирина Бенатова остается одним из немногих примеров людей, изучивших меня своей высокой моралью и добротой, терпимостью и искренностью по отношению к окружающим. Мне не известно, какие мысли и переживания наполняли ее, но, в моем понимании, она была воплощением лучезарности, жизнерадостности и каких-то особых черт, которые ей удалось сохранить с детства. И все это сочеталось с бескомпромиссной нравственностью, скромностью, большой ответственностью по отношению к своим словам, данным обещаниям и поставленным жизненным целям. Вот как в своем письме, датированном декабрем 1979 г., она описывала свою работу: *«Я потихоньку пишу свои «упражнения» и читаю, читаю все подряд. Даже «Кровавую песню» Пенчо Славейкова».*

Смерть настигла Ирину Бенатову 28 июня 1982 года. О произошедшей трагедии я узнал из письма ее матери, полученного мной 12 июля того же года в Велико Тырново. Я размышлял о судьбе Ирины в связи с теми, уже минувшими 15 днями, проведенными ее душой там наверху, на небесах, и меня постигла мистическая уверенность: «Она, наверное, уже успела выучить язык мертвых и с присущей ей неподражаемой живостью убедила их, что там, на земле жизнь продолжается и будет такой же замечательно интересной и наполненной чудесами».

Хочу поделиться этими впечатлениями для того, чтобы познакомить читателя с Ириной — человеком и ученым, и потому, что убежден: именно такой тип личности с «чистыми руками» и врожденной душевной щедростью должен реализовывать себя в литературе и искусстве. Именно такие люди более всего имеют право и истинный шанс поддерживать живым, оправданным и нужным интерес современников к миру их интеллектуального богатства и духовных

ценностей. Так было всегда, а в наше прагматичное и технократическое время потребность в них ощущается еще сильнее и категоричнее.

Сейчас, когда я пишу эти несколько скромных страниц впечатлений и оценок научной работы Ирины Бенатовой, возникает вопрос, который я не успел задать ей при жизни, вопрос, на который я не смог найти ответ в ее трудах – каковы же были мотивы ее выбора именно этой темы и именно этого периода болгарской литературы. Я уже упоминал, что Ирина была киевлянкой. Общась с ней, я смог убедиться, что она, несомненно, была духовно связана с центром Киевской Руси, хотя и родилась в Магадане на Колыме, где в то время работали ее родители. Может это, а может быть творчество ее современников-бардов, как Булат Окуджава и Владимир Высоцкий, или нечто скрытое и унаследованное заставило ее сделать выбор научной тематики и заняться исследованием балладного жанра с его судьбой и трансформациями в 20–30 годы XX столетия.

Не тогда ли болгарский поэт оказался лицом к лицу с незажившей раной от войн и последовавших за ними бунтов? Ведь именно тогда собратья по перу у него на глазах превращались в «без вести пропавших»: Гео Милев, Сергей Румянцев, Христо Ясенов! Тогда же поэт Цанко Церковски был до полусмерти избит и на пороге смерти отпущен из тюрьмы, чтобы, прежде чем его душа отлетела на небо, похристиански проститься с близкими. В это же время отошел в вечность Христо Смиренски, а перед национальной библиотекой в Софии «среди бела дня» был оставлен лежать труп талантливого критика Василя Пундева...

Нет, для болгарского поэта 20–30 годы — прежде всего время нарастающей душевной тоски и нравственной раздвоенности, которые не только склоняют к написанию стихов в балладном жанре, но и накладывают его отпечаток на лироэпические сюжеты (поэма «Септември» Гео Милева), повествовательные формы (повесть «Холера» Людмила Стоянова, роман «Хоро» Антона Страшимирова).

Попытка разобраться в особенностях литературных жанров и типизации литературных произведений неизбежно приведет нас к выводу о том, что проза формализуется легче, чем поэзия. В прозе важную роль так или иначе играют

формальные, количественные признаки — объем, заряд, охват сюжетных линий, образной системы и т. д. В поэзии подобные «опоры» отсутствуют; тут их скорее ищут, извлекают из эмоционально-чувственной сферы и импульсов, переходящих из подсознания в душевность, а также из не названных напрямую восприятий и переживаний человека. Поэтому, обращаясь к романисту Димитру Димову, исследователю не обязательно начинать свое изложение с теории и истории романа как жанра, а занимаясь изучением творчества поэтов Теодора Траянова, Асена Разцветникова или Николая Фурнаджиева, он должен начать с внутржанровой природы и специфики созданной до них и унаследованной ими традиции. И только после этого можно приступать к анализу встроенного в их книги «Болгарские баллады», «Жертвенные костры» или «Весенний ветер» и формулировать собственное видение того, чем являлась для них (а теперь и для их интерпретаторов) баллада как одна из поэтических жанровых форм.

Сталкиваясь с изложенными проблемами, в своем исследовании Ирина Бенатова успела — причем в относительно узкой, сжатой версии главы «Влияние фольклорной традиции на жанровые особенности болгарской баллады 20–30 годов» — ввести нас в эту всегда трудную для молодых специалистов сферу, превращающую их в «близоруких и беспомощных существ». В случае жанра баллады — это также означает осознание богатой и не поддающейся канонизации фольклорной традиции, имеющей истоки в Средневековье, продолженной в Классицизме и достигшей расцвета в эпоху Романтизма. В конце концов, не должен остаться без внимания и период последних десятилетий XIX — первой половины XX века с его продуктивной, хоть и непростой практикой вплетения фольклора в литературу модерна.

В теоретическом и эстетическом плане сам вопрос «Что есть баллада?», с которым столкнулась автор, предполагает создание солидной монографии, которая, несомненно, также оставит после себя ряд пробелов и вопросов для обсуждения. Поэтому, углубляясь в эти сферы, Ирина Бенатова извлекает на свет только те концептуальные конструкты, которые пересекаются со спецификой болгарского поэтического

мышления и восприятия мира. Во вступительной главе ее исследования эти конструкты необходимы в качестве отправной точки для анализа и обобщения конкретно заданной и эстетически защищенной картины балладного жанра в рассматриваемый период. Усилия, направленные на поиск, идентификацию, формулирование точек зрения и концепций, предлагаемые представителями ряда национальных литературоведческих традиций, и полученный опыт являются предпосылками для гарантированного получения конкретных результатов анализа и обобщений в основной части исследования.

С другой стороны, я призываю читателя, встретив на первых страницах книги цитату из высказываний тогдашнего политического лидера СССР Л. И. Брежнева и некоторые клишированные формулировки социалистического реализма, не спешить на их основании давать поверхностную оценку исследованию Ирины Бенатовой. Эти эпизодические ссылки были исключительно данью существующей в то время конъюнктуре, как у нас, в Болгарии, так и в СССР. Их наличие в тексте не имеет ничего общего с дальнейшим ходом изложения, характером анализа и выводов. Именно работа автора является яркой иллюстрацией профессионального подхода к решению задачи об исследовании балладной поэтики в болгарской литературе 20–30 годов.

По мнению автора, эта поэтика органически сочетала в себе унаследованные фольклорные традиции, а также модерна, современную фактуру переживаний и поэтической чувственности на фоне напряженной болгарской общественной и политической жизни в период между двумя мировыми войнами. Потому что, хотя балладный жанр автономен в своей эстетической традиции и зрелости, его и тогда подпитывали злоеца пульсация и необъяснимость реальной действительности. А эта действительность несла глубокую травму от войн и двух национальных катастроф, которые выпали на долю Болгарии, в том числе социальных и революционных потрясений 20-х годов (восстаний, переворотов, терактов). Конечно, нелогично было бы ожидать, что болгарская литература, традиционно обремененная злободневностью и «прототипностью», напряженно политизированная и взаимодействующая со всеми событиями, происходящими

в обществе, будет игнорировать их и не подчинит им возможности балладного жанра.

Поэтому Ирина Бенатова совершенно справедливо решила не занимать читателя общими размышлениями о взаимосвязи «литература — реальность» в ситуации 20–30 годов, не комментировать социологию тех житейских парадигм, которые подпитывали балладный жанр. Впрочем, в этом и не было необходимости. Сама поэзия предложила автору основания для формулировки одной из самых плодотворных отправных точек, превратившейся в ядро большей части научной работы:

«Настоящее исследование ставит целью не классифицировать рассматриваемые произведения по отношению к романтизму и реализму, а показать на конкретных примерах, как взаимопроникновение поэтических систем сказывается на особенностях жанрового развития баллады... В ней пути дальнейшего совершенствования жанровой структуры за счет “сгущения” ассоциативности и ее распространения на более сложные явления действительности. Прослеживается также обновление традиционной эпической баллады, которое происходит в направлении образования различных жанровых модификаций».

Я уже отмечал тот факт, что Ирина Бенатова, начиная свою профессиональную деятельность в области болгаристики, уже была великолепно подготовленным филологом. Мне было сложно понять, когда и как ей удалось овладеть не только украинской и русской литературой, но и, выучив чешский, болгарский, польский языки, свободно оперировать важнейшими произведениями, созданными в литературах этих славянских народов. Убеждаясь в легкости, с которой она оперирует примерами из них, я — вроде бы тоже амбициозный филолог! — говорил себе, что это «дар Божий»... Поэтому я не могу оставить без достойной оценки вложенный труд автора, о котором свидетельствуют ее скромные лаконичные примечания: *«Здесь и далее болгарские, польские и другие источники цитируются в переводе автора диссертационной работы»*, *«Здесь и далее приводятся подстрочные переводы автора диссертационной работы»*. Предложенные в этом издании тексты недвусмысленно иллюстрируют эту подготовку — солидную, профессиональную,

приобретенную не ради показательного самоцельного цитирования. Они порождают уверенность в том, что накопленные автором знания и в будущем давали бы свои плоды — как в подобных конкретно направленных исследованиях, анализирующих определенные явления славянской литературы, так и в области компаративистики.

Современные филологи-слависты в Болгарии и за ее пределами могут убедиться, что представленный в этом издании труд, несмотря на то, что он написан более 30 лет тому назад, и сегодня остается полноценным литературоведческим фактом благодаря его проблематике, предложенным и профессионально обоснованным автором обобщениям. И сегодня по-прежнему убедительно звучат страницы текста, посвященные исходной теоретико-эстетической базе, ее анализу и интерпретации. Они излучают ту естественно зародившуюся эмоциональную привязанность автора к фольклорно-мифологическому и одновременно новаторскому мировосприятию поэтов, творивших в русле жанра, а также уверенность в выявленных и охарактеризованных эстетических открытиях и ценностях самих поэтических текстов.

Стоит ли напоминать, что ни до написания работы, ни за последующие три десятилетия проблемы балладного жанра в болгарской литературе 20–30 гг. XX века так и не привлекли к себе должного внимания представителей нашей литературной науки? Впрочем, в последнее время вообще отсутствуют цельные и завершенные исследования этого типа и на эту тему. Кроме того, наблюдается ослабление интереса к наследию большинства авторов, которые на практике поддерживали балладный жанр, таких как Николай Хрелков, Никола Фурнаджиев, Асен Разцветников, Славчо Красински, Крум Кюлявков, Дора Габе, Мария Грубешлиева и другие.

Это означает, что, с одной стороны, книга отображает как библиографическую информацию, так и уровень реализуемых интерпретаций — то, что достигнуто и установлено исследованиями болгарской баллады и в целом балладного жанра в славянских литературах в 80-х годах XX века. С другой стороны, в недавние годы, по крайней мере исходя из данных болгарской историко-литературной науки, не встречались исследования сторонников новых взглядов на ту же проблематику, которые могли бы деактуализировать

появление этого издания. Я придерживаюсь такой точки зрения, имея также в виду исследования авторов младшего поколения, среди которых Александр Кёсев, Иван Станков, Иван Младенов, Мирослав Дачев, представивших нам свои монографии, посвященные не «феномену» в целом, а его отдельным представителям (Николай Фурнаджиев, Теодор Троянов, Асен Разцветников и т. д.).

Таким образом, логично, что, несмотря на свое запоздалое появление, книга «Баллада в болгарской литературе 20–30 годов XX века» должна занять надлежащее место в каталоге зарубежной литературоведческой болгаристики.

Высказанное мной убеждение основывается как на внимательном прочтении самой работы и оценке степени охвата специфической жанровой проблематики, так и на понимании того положения, в котором в наше время находится зарубежная, в т. ч. русская и украинская болгаристика.

Ни для кого у нас, в Болгарии, и в бывших советских республиках не секрет, что геополитическая ситуация в последние два-три десятилетия наложила свой отпечаток на сферу гуманитарных наук. Поэтому все реже встречаются монографические исследования украинских и русских болгаристов, посвященных творчеству представителей болгарской литературы XX века.

Выход в свет настоящей книги является результатом стремления сына Ирины — Данила донести до научного общества труд его матери, над которым она так долго и упорно работала и которому, в некотором роде, принесла в жертву свою жизнь. При этом в процессе подготовки текста к изданию по сохранившимся черновикам и опубликованным статьям были частично восстановлены ссылки на литературные источники, которые автор не успела окончательно расставить.

Впрочем, я хочу подчеркнуть, что это издание не должно характеризоваться лишь как сентиментальный порыв близких автора. Повторюсь, что публикация работы, пусть и запоздалая, должна позволить данному научному труду занять по праву принадлежащее ему место в мировой болгаристике.

Принимая во внимание прочно установившуюся у нас, в Болгарии, тенденцию падения интереса к специализированным литературоведческим исследованиям, я бы хотел,

хоть и не слишком надеюсь на это, чтобы книга Ирины Бенатовой привлекла должное внимание и получила оценку специалистов. Она этого, несомненно, заслуживает. Но впрочем это и не так важно. Я убежден, что настоящее издание должно обязательно присутствовать в библиотеках специалистов по болгарской литературе межвоенной эпохи, в университетских центрах Болгарии, Украины, России, где имеются многолетние академические традиции в области болгаристики и славистики.

*Иван РАДЕВ,
академик Болгарской Академии Наук, профессор*

*Январь 2014
Велико Тырново*